

Риктор
Астафьев



ВСЕМУ
СВОИ
ЧАС

8Р2
А-91



ПИСАТЕЛЬ — МОЛОДЕЖЬ — ЖИЗНЬ

**ВИКТОР
АСТАФЬЕВ**



**ВСЕМУ
СВОЙ
ЧАС**



МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1985

Уд. бургская областная
библиотека им. Н. К. Крупской

85259-6
18

Занятие литературой дело сложное, не терпящее бабосства, ни какой ссадодеятельности и не пишущее никаких подляшек. Сорвешь голову — и не себя. Захочешь побережись и не будешь в восторге, в восторге — давшие фронтальность, но только у нас сам для себя и жить, и быть в душе. Однако в литературе жизнь для себя равносильна смерти.

СЮЖЕТЫ И СУДЬБЫ

Монолог о времени и о себе

Как стремительно летит время! Не думал, не гадал, что доживу до пятидесяти, а до шестидесяти тем более. Представить себе в военной молодости, что дотяну до такого эпического возраста, было просто невероятно. Это чувство невесты за что дарованного судьбой счастья жизни знакомо, наверное, всем фронтовикам, и особенно тем, кто родился, как я, в 24-м — в год утраты Ленина или в 23—22-м: нашего брата вернулось с войны всего три процента, а теперь и это печальное число сменилось на еще меньшее — уходят, уходят товарищи... И ты, добравшийся до шестидесяти, все строже спрашиваешь се-

бя: живешь по совести, всегда ли честен перед собой, перед памятью погибших своих одногодков?

Если бы я мог жизнь повторить, то повторил бы в буквальном смысле слова, выбрал бы ту же самую — исключив, конечно, войну и сиротство, — очень трудную, где рядом с радостью шла боль, с победами — неудачи, которые, кстати, заставляют обостреннее видеть мир и глубже чувствовать доброту.

Я убежден, что занятие литературой — дело сложное, не терпящее баловства, никакой самодеятельности, и нет писателю никаких поблажек. Сорвешь голос — пеняй на себя. Захочешь поберечься и петь вполголоса, вполсилы — дольше проживешь, но только уж сам для себя и жить и петь будешь. Однако в литературе жизнь для себя равносильна смерти.

...Что успел я за минувшее десятилетие? Закончил книгу «Последний поклон». Начавши писать «страницы детства» вразброс, без определенного плана и замысла, я в конце концов нащупал какую-то свою форму повествования и написал, затем и составил «Последний поклон» из отдельных глав-рассказов, порой заступающих в границы короткой повести. К удивлению моему, книга приобрела законченную, хотя и не очень стройную форму. Я старался избежать какой-либо похожести на эпопеи из многих книг и частей, не делая длинных, «водой» заполненных «переходов» и «мостов», минуя ту «эпопейную» нудь, которой так забита наша литература. По моему глубокому убеждению, с полным основанием этому емкому и пугающему меня слову — эпопея — соответствуют в современной русской литературе всего лишь две-три книги.

Еще раз эту форму повествования в рассказах я поэксплуатировал в «Царь-рыбе» и уж больше, конечно, к ней не вернусь: форма не окаменелость, не монолит, она должна быть подвижна, как сама жизнь. «Самопоедание» ни к чему не приводит, кроме застоя.

Что еще помечено последним десятилетием? Книга «Затесей», их я потихоньку пишу все время. Завершена книга о замечательном друге, критике А. Макарове — «Зрячий посох», в нее вошли еще главы об А. Твардовском, К. Симонове, Я. Смелякове, К. Воробьеве.

Попробовал себя в театре и в кино, удовлетворил свое любопытство и понял, что заниматься надо своим

«тихим» делом, что ни моего характера, ни моих способностей недостает поспевать всюду — я не «много-станочник» по своим творческим наклонностям.

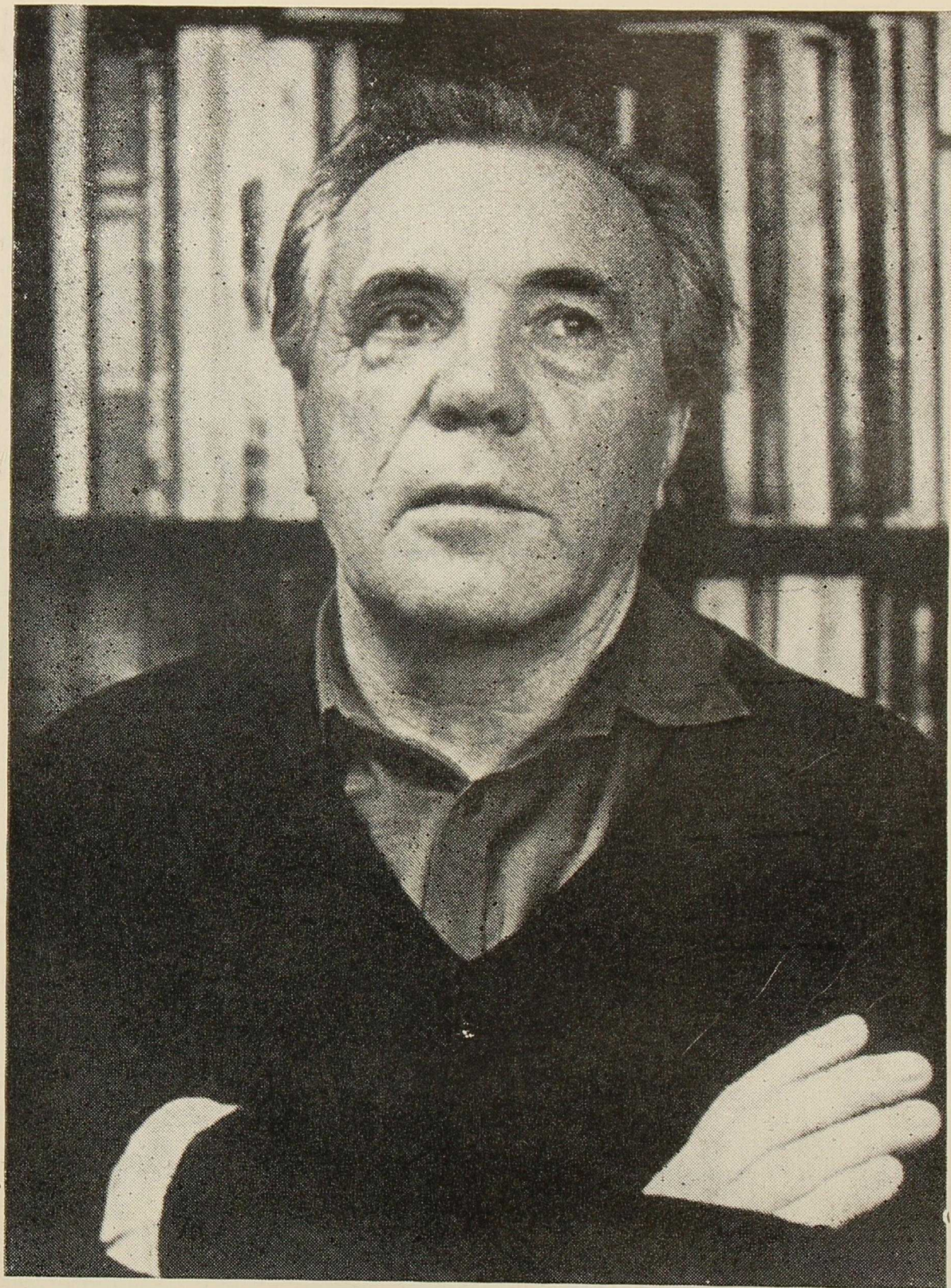
«Всему свой час и время всякому делу под небесами...» — я люблю это изречение и часто им пользуюсь. Так вот — наступил «час» романа о войне. Тема для меня святая, отношусь к ней с повышенной совестью, к роману готовился долго и серьезно и теперь наконец приступил. Эта большая, сложная работа, рассчитанная не на год, совпала с переездом из Вологды в Сибирь, в родные красноярские места, в милую сердцу Овсянку. Высадившись на «обетованный берег», о чем давно мечтал, я обрел на склоне лет какое-то хотя бы в житейском смысле успокоение.

Сделалось ли с годами и с переменой мест легче работать? Не сказал бы. Легче всего работалось в творческом отрочестве и юности. Само сочинительство тогда так захватывало, таким одаривало счастьем первосотворения, что ослепляло и оглушало, словно весеннее половодье, будто солнце, восходившее только надо мной и только для меня. Нет, ни за какие терзания и сомнения, столь неизбежные потом, в зрелом возрасте, не отдам я те счастливые, радостные не дни, а годы... И пусть мудрые критики ищут в строчках тех лет «достоинства и недостатки», а недостатки, конечно же, были в изобилии в беспомощных, еще зелененьких побегках.

Приученный войной без особого страха относиться к тому, что литературно зовется концом пути, я почти спокойно вступаю в завершающий период жизни. И поскольку у сочинителя нет ни отдыха, ни отпуска, продолжаю делать свою работу.

Груз памяти пригибает меня к земле, ломает мой крестец, ибо она, память, высветляет не одни картинки детства, не одну любовь и радость, она озвучивает и войну, ненависть, безумство человеческое, кровь, смерть, и, надеюсь я, нужно это для того, чтобы я «отболел» войной последний раз ради будущего, ради детей своих и внуков.

Совсем недавно мой восьмилетний внук спросил, с каких лет принимают работать на комбайн. Дед и бабушка, естественно, поинтересовались, зачем ему это знать. И внук заявил, что хочет работать на комбайне для того, чтобы никого не убивать. Да, и мы не хотели убивать и умирать, но, мальчишки и девчонки, мы брали



Накануне шестидесятилетия в красноярской квартире. 1983 г.



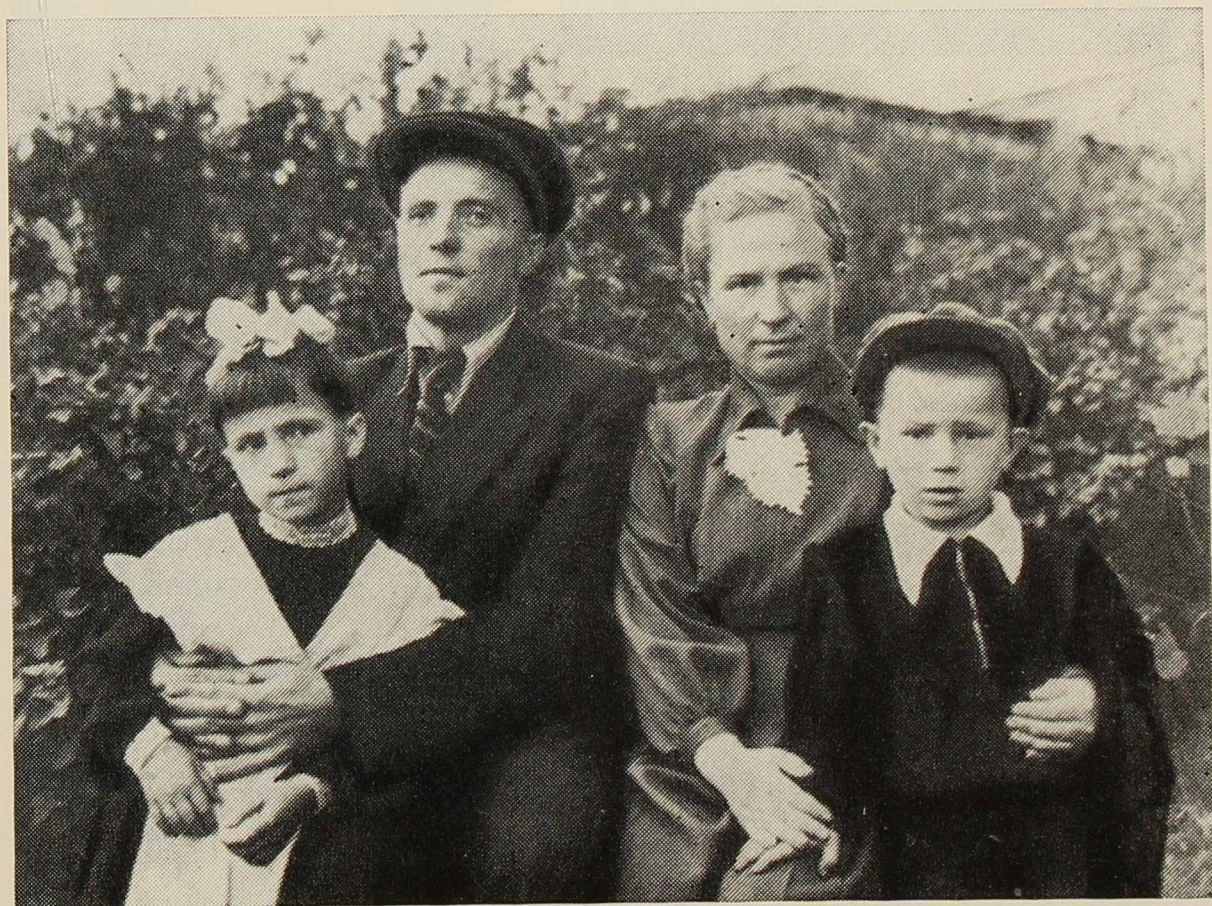
Редчайшая
фотография —
сохранила учительница
литературы Л. Якутович
(она в центре).
С книжкой —
В. Астафьев.
Литературный
кружок игарской
школы № 12.



Бабушка.
Примерно 1952 г.



Детдом в Игарке. 1941 г.



*1956 г. Чусовой Пермской области.
Жена — Мария Семеновна. Дети — Ирина и Андрей.*



*Осень 1943 года, после ранения,
пригород Киева, с фронтовым другом
Петром Николаенко (ныне живет
на Алтае).*



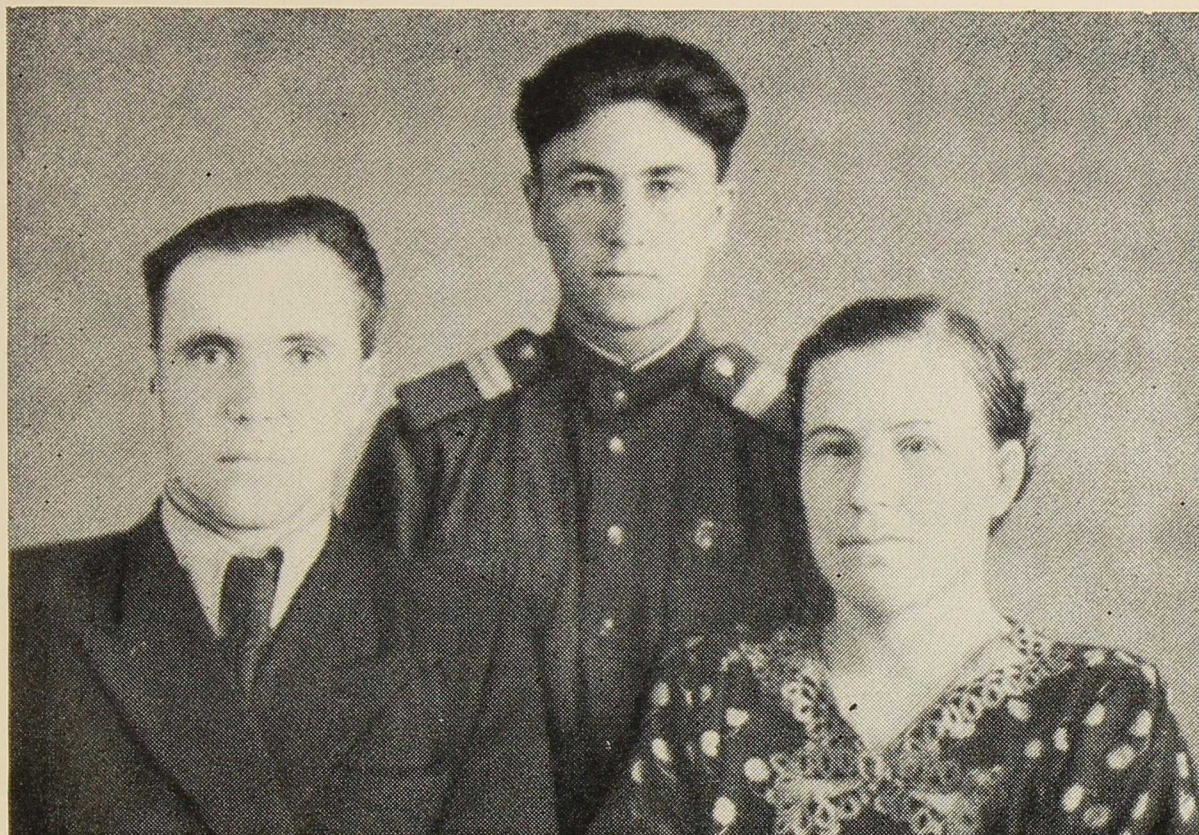
1944—1945 гг.



*В туруханском аэропорту во время работы над «Царь-рыбой»,
1971 г.*



*Дом в деревушке Сибла, на Вологодчине, где было пустынно,
тихо и хорошо работалось, — здесь закончена «Царь-рыба»,
напечатана вторая книга «Последнего поклона» и много чего
понаделано...*



В центре — брат Николай (герой главы «Бойся» — «Царь-рыба»).



*П. Нилин, С. Залыгин, Ал. Михайлов, А. Соболев,
В. Дементьев и другие.*



На реке Аныл, юг Красноярского края.



*На Белом озере, на родине Сергея Орлова—с л е в а А. Алексин,
с п р а в а Ю. Бондарев.*

СОДЕРЖАНИЕ

Сюжеты и судьбы	3
Жизнь — великое движение вперед	10
О любимом жанре	19
Наши большие заботы	29
Нет, алмазы на дороге не валяются	34
Выбрал бы ту же самую...	49
Там, где пролита кровь	57
Письмо дочери погибшего друга	66
Этюд на Чусовой	69
Имя Толстого свято	76
О ритме прозы	80
Беседы о жизни	80
На Вологодчине	87
Пересекая рубеж	90
Как начиналась книга	116
Всему свой час	118
Строителям БАМа	129
Ответ в «Пионерскую правду»	132
Вивальди за пятак	137
Берегите!	143
Как тот заречный огонек	146
Выполняющий долг писателя и гражданина	155
Своя борозда	157
Родной голос	160
Чистая душа	171
Вглядываясь вглубь	180
Чувство звука и слова	182
Песня добра и света	185
И все цветы живые	189

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48